

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ

<Писарев об И. В. Киреевском>

Под пышным заглавием «Русский Дон-Кихот» Писарев в коротенькой статье пытается набросать исчерпывающую характеристику взглядов и стремлений И. В. Киреевского, одного из самых талантливых представителей славянофильского движения. Вышедшее в 1861 году полное собрание его сочинений, в двух томах, с приложением, обширных материалов для биографии Киреевского, собранных А. И. Кошелевым¹, давало критику «Русского слова» полную возможность подвергнуть обстоятельному разбору ряд статей литературно-эстетического и философского характера, написанных вдохновенным языком и местами обнаруживающих поразительную глубину оригинального умственного настроения. Широкое образование Киреевского, соединенное с удивительною чистотою нравственного характера, не представляло, конечно, никакого повода для легкомысленного, рецензентского юмора и дилетантского пустословия о посторонних, к делу не относящихся, вопросах. В его рассуждениях о русской литературе, о стихотворениях Языкова, о Грибоедове, о Пушкине, о русских писательницах рассеяно столько великолепных замечаний, заслуживающих полного внимания, что, при серьезном понимании своей задачи, каждому новому критику именно на этих рассуждениях легко было показать и развернуть свое собственное эстетическое мировоззрение, свой взгляд на искусство, свое отношение к важным философским вопросам. В статьях Киреевского под названием: «Девятнадцатый век», «Ответ А. С. Хомякову», «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», «О необходимости и возможности новых начал для философии» обрисовалась совершенно определенная точка зрения на важнейшие события европейской жизни, на задачу русской культуры, — обрисовалась целая историческая система, возникшая в уме, богатом смелыми и светлыми мыслями. Для литературного

критика, идущего по самостоятельному пути, эти два тома произведений Киреевского представляли драгоценный случай высказаться с надлежащею силою по целому ряду вопросов перво-степенной важности. Главным тезисам Киреевского надо было противопоставить свои собственные теоремы, продуманные в всех отношениях, в их ближайших и самых отдаленных вводах, соединенные в стройное философское учение. С полным вниманием надо было рассмотреть каждый из элементов его исторической теории, представляющей самостоятельное, широкое обобщение разнообразных фактов, духовного и социального характера, потому что в споре с таким противником, как Киреевский, всякое дешевое глумление над враждебными понятиями, всякое легкомысленное бряцание воинствующими фразами не имело никакого смысла.

Но не рожденный для серьезных споров и всем своим умственным воспитанием совершенно не подготовленный для понимания таких натур, какою был Киреевский, Писарев отнесся к своей задаче с тою же легкостью и бойкостью, с какою он обрушивался на разных второстепенных авторов. В «Русском Дон-Кихоте», несмотря на кричащие, победоносные фразы, нет ни одной серьезной мысли, ни одного научного аргумента против ярких доводов Киреевского, ни одного смелого и цельного обобщения, бросающего иной свет на исторические факты, собранные и по-своему объясненные лучшим из русских славянофилов. Ограничиваясь мелкими по содержанию, но язвительными по форме замечаниями, Писарев не разбирает серьезно ни одной из статей Киреевского, хотя каждая из них, как мы уже сказали, заслуживала изучения с пристальным вниманием ко всем литературным и философским особенностям. Богатый биографический материал, представленный Кошелевым, не увлек его своим превосходным психологическим содержанием, несмотря на то, что само славянофильство показалось Писареву «психологическим явлением, возникшим вследствие неудовлетворенных потребностей» русской жизни. Ничего не доказывая, Писарев ничего серьезно не объясняет своему читателю, и вся его смелая рецензия о важном литературном явлении, при внимательном рассмотрении, должна быть признана набором звонких, но пустых фраз, производящих убогое впечатление по сравнению с глубокими, оригинальными местами ошибочными и односторонними, но всегда возвышенными рассуждениями Киреевского.

Вот какими словами Писарев старается определить значение Киреевского в движении русского просвещения. Друзья и еди-

номышленники Киреевского, пишет он, скажут, что его следует изучать как мыслителя, что его должно уважать как двигателя русского самосознания, что принесенная им польза будет оценена последующими поколениями. С подобными мнениями Писарев согласиться не может. По его твердому, но ничем не доказанному убеждению, «Киреевский был плохой мыслитель, он боялся мысли». Киреевский никуда не подвинул русское самосознание, и статьи его никогда не производили серьезного впечатления. Пользы Киреевский, категорически заявляет Писарев, — не принес никакой, и если последующие поколения, по какому-нибудь чуду, запомнят его имя, то они пожалеют только о печальных заблуждениях этого даровитого писателя, хотя Киреевский «был человек очень неглупый и в высшей степени добросовестный». Рассказывая вслед за Кошелевым о заграничных впечатлениях Киреевского, Писарев замечает: «мягкосердечный московский юноша мерил западную мысль крошечным аршином своих московских убеждений, которые разделяли с ним все убогим старушки Белокаменной». Киреевский слушал лекции известнейших профессоров, сообщал в письмах к родственникам и друзьями «остроумные заметки о методе и манере их преподавания», но при этом он сам оставался «неразвитым, наивным ребенком, не умевшим ни на минуту возвыситься над воззрениями папеньки и маменьки». В статье Киреевского «Девятнадцатый век», по мнению Писарева, не затронута ни одна реальная сторона европейской жизни. Киреевский преклоняется перед жожакамн европейской мысли, не умеет «взглянуть на умозрительную философию как на хроническое поветрие, как на болезненный нарост, развившийся вследствие того, что живые силы, стремившиеся к практической деятельности, были насильственно сдавлены и задержаны». Об Европе и России Киреевский судит вкривь и вкось, «не, зная фактов, не понимая их и стараясь доказать всему читающему миру, что и философия, и история, и политика нуждаются для своего оживления именно в тех понятиях, которые были привиты ему самому». В сочинениях его хороши только те места, в которых он является чистым поэтом, заявляет в одном месте Писарев, но тут же прибавляет: «Повести Киреевского очень плохи, потому что в них преобладает головной элемент, они сбиваются на аллегории».

В трех статьях Киреевского: «Девятнадцатый век», «В ответ Хомякову», «О характере просвещения Европы» выразились с полною отчетливостью основные принципы его философского мировоззрения, хотя первая из этих статей относится к тому

периоду его литературной деятельности, когда мысль Киреевского не достигла своего окончательного развития. В «Деятельности в девятнадцатом веке» только намечены в общей, схематической форме те вопросы, которые занимали Киреевского до последней минуты его жизни. В ясных выражениях предлагает он на суд философской критики определенную формулу западноевропейского просвещения, перечисляет все главные силы европейской истории, но, обозначив путь и направление своих будущих литературных работ, он при этом не доводит своих рассуждений до последних возможных заключений. В дальнейших статьях Киреевский видоизменяет свой взгляд на отдельные элементы европейского просвещения, оттеняя их новыми важными замечаниями, иначе определяя их природу в блестящей параллели с историческими силами русской народной культуры. Между первой и последующими статьями легла глубокая умственная работа, в которой мировоззрение Киреевского обнаружило все свои типические черты, свою духовную мощь, в которой этот несомненно большой и разнообразно одаренный ум, горевший экстазом, получил свою окончательную и характерную для русского духа формировку.

Обрисовав в крупных, ярких чертах движение европейской мысли в девятнадцатом веке, Киреевский следующим образом объясняет положение России в истории европейского просвещения. Между Россией и Европой, пишет он, стоит какая-то китайская стена, которая только сквозь некоторые свои отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада. Прошло уже целое тысячелетие с тех пор, как началась историческая жизнь России, но, несмотря на долгий период политической деятельности, ее просвещение еще находится в зародыше. Очевидно, говорит Киреевский, что причины, мешающие правильному развитию русского общества, не могут быть случайными, но должны заключаться «в самой сущности его внутренней жизни», в коренных, первоначальных элементах национального русского быта. Эти причины могут быть определены только сопоставлением западноевропейской и русской культуры. Какими силами управлялось развитие Европы? Где главные факторы движения Европы по пути прогресса? Какие стихии спасали европейское общество от разрушительного действия разных внешних обстоятельств, постоянно возрождая в нем дух для успешной борьбы с враждебными ему элементами? Три начала легли в основание европейской истории, говорит Киреевский: христианская религия, классический мир древнего язычества и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю. На

этих началах выросло европейское общество. Классическая мысль, не перестававшая участвовать во всех областях научной и философской работы, влияла постоянно не только на светскую, но и на духовную жизнь европейских народов. Самая противоположность между христианской и языческой культурой открывала новым идеям широкое поле развития. В постоянной борьбе с окружающими обстоятельствами, с преданиями языческих нравов и влечений, христианство только укрепляло свои силы. Посреди разногласного, нестройного, невежественного брожения противоположных стремлений христианство естественными образом становилось средоточием всех элементов европейского развития, облагораживая политическую и социальную борьбу народов и увлекая к высшим целям и задачам могучие силы классического образования.

В России христианская религия, воспринятая в самом чистом виде, не имела такого решительного влияния на историческое развитие общества. Недостаток классических преданий, классической образованности помешал христианской мысли развернуться здесь во всем могуществе ее природных сил. В Европе просвещенное единодушие, поддерживаемое общим религиозным идеалом, возбуждало постоянно одни и те же стремления в различных политических телах, спасало их от нашествия диких племен. В России народ, раздробленный по уделам на враждебной части, но связанный общими интересами просвещения, должен был очень легко подпасть владычеству татар, несмотря на все превосходство своих религиозных верований над умственной и нравственной бескультурностью этого дикого, развращенного племени. «Если бы мы, — говорит Киреевский, — наследовали остатки классического мира, то религия наша имела бы более политической силы, мы обладали бы большею образованностью, большим единодушием и, следовательно, самая разделенность наша не имела бы ни того варварского характера, ни таких пагубных последствий». Только со времени Петра I начинается истинное развитие России. До Петра просвещение вводилось к нам, пишет Киреевский, мало-помалу, отрывисто, отчего, по мере своего появления, оно постоянно искажалось влиянием «нашей пересиливающей национальности». Переворот, совершенный Петром, был неизбежным, хотя и насильственным переломом в русской истории, — тем переломом, который открыл классическому миру доступ в страну бытового и умственного невежества. В энергических выражениях Киреевский заступает, в конце статьи, за реформу, совершенную Петром Великим. В последнее время, говорит он, в рус-

ском обществе появилось целое множество обвинителей петровского дела. Они говорят нам о просвещении национальном, самобытном. Они запрещают нам всякие заимствования, бранят нововведения и мечтают о коренном возвращении к старинной русской жизни. Вот опасный путь для страны, которую может спасти только широкое европейское просвещение. Французы, немцы, англичане все более и более проникаются национальными интересами и взглядами, и это несколько не мешает их дальнейшему развитию. В союзе с народными стремлениями европейская культура достигнет высшего, самобытного выражения. «Но у нас искать национального значит искать необразованного, развивать его на счет европейских нововведений значит изгонять просвещение. Не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы?» *

В этих немногих соображениях заключается главная мысль статьи. Обняв все европейское просвещение в одной широкой формуле, Киреевский без труда отмечает, в чем заключается важная причина умственной и политической отсталости русского общества по сравнению с западными народами. В России нет просвещения. Христианской мысли не на что опереться в борьбе с темным невежеством народных масс. Вся прошедшая история России, до насильственного переворота, совершенного Петром, можно сказать, пропала даром для интересов высшего христианского развития. Без классического элемента русское общество не выйдет на широкую политическую умственную дорогу...

Но, как мы уже сказали, Киреевский не остановился на этих важных мыслях. В полемическом ответе Хомякову и в странном письме на имя графа Е. Е. Комаровского добытая им формула европейского процесса получила новое освещение и, по отношению к России, открыла широкую перспективу совершенно иных философских соображений, политических догадок и надежд. Ничего не вынимая из этой формулы, Киреевский вошел в более подробный анализ ее исторического содержания и, пристально всмотревшись в события русской народной жизни, показал, что в его философских обобщениях нет ничего безотрадного для России. В самой формуле европейского развития ничто не требует никаких перемен, но ее частное применение к русской истории должно быть сделано в совершенно ином

* *Киреевский И. В.* Деятнадцатый век // *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 83.

направлении. К этому убеждению привела его сосредоточенная умственная работа над коренными вопросами философии и истории в течение нескольких лет. После тяжелой неудачи на поприще журнального издательства Киреевский ушел в себя, забросил перо, замкнулся и затворился от мира. Медленно созревала в нем новая мысль, новый взгляд на русскую жизнь в ее главных исторических моментах, и в заметке, служившей ответом на статью Хомякова, «О старом и новом», это новое направление Киреевского впервые обозначилось с полной отчетливостью, иначе осветив прежние мысли, выраженные с громадной силой в «Девятнадцатом веке». Теперь он рисует историю католического христианства в иных словах, более мрачными красками, с другою философскою тенденциею. Римская церковь отличается от восточной только своим стремлением к рассудочности, к сухому отвлеченному рационализму, своим пристрастием к формальной логике. На Западе бытие Бога доказывается силлогизмами, инквизиция, иезуитизм развились в атмосфере, насыщенной схоластическими спорами. Логическое убеждение легло в самое основание европейской жизни, сузив ширину и свободу ее духовного роста, придав всей культуре западных народов характер односторонней, поверхностной мудрости. Классическое образование, не подчинившееся христианской мысли, проникшее в плоть и кровь европейского общества, задерживало движение истинно религиозного духа. «Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад, заявляет Киреевский, никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от рационализма. Я люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями». Но признавая большое значение за европейскою культурою, он думает при этом, что «в конечном развитии» рассудочное просвещение уже обнаружилось «началом односторонним, обманчивым, оболстительным». В прошедшей истории России Киреевский находит некоторые элементы, в которых христианская мысль могла получить настоящую поддержку. Россия не блестела никогда «ни художествами, ни учеными изобретениями», но в ней постоянно хранились условия широкого духовного развития, «собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам»... * В этих отрывочных фразах слышатся первые отголоски того нового настроения, ко-

* *Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 198.

торое с такою силою сказалось в статье «О характере просвещения Европы», напечатанной спустя двадцать лет после знаменитого дебюта Киреевского на страницах быстро угасшего «Европейца». Все движение европейской философии представилось ему в новом освещении. Его уже больше не восторгает политическое могущество Католической церкви, а характерные особенности русской жизни выступили из мрака прошлого в ярком сиянии цельной, светлой, могучей веры, не заглушенной в народе никакими внешними силами. Раздвоение и цельность, рассудочность и разумность — вот последние выражения западноевропейской и древнерусской образованности*. На Западе христианство приняло характер рассудочной отвлеченности, в России оно сохранило внутреннюю полноту духа. В Европе Церковь смешалась с государством, в России она осталась всегда чуждою мирским целям. Мечтая о возрождении русского общества к новой плодотворной деятельности, Киреевский проповедует при этом необходимость разумного осмысленного отношения к западноевропейскому просвещению. Он хотел бы, чтобы высшие начала жизни, которые хранятся в христианском учении, господствовали над элементами рассудочного образования, не вытесняя, а обнимая их «своею полнотою». Пусть христианская мысль оживотворяет плодотворную, но ограниченную работу человеческой логики, потому что вера не может и не должна быть слепой.

Этим мыслям Киреевский не изменял уже до конца своей жизни. Все глубже проникаясь ими, он хотел подвергнуть обширной критике главные принципы рационализма в цельном, законченном философском произведении, с подробным изложением новых начал, на которых разовьется будущая духовная работа человечества. Перед самою смертью Киреевскому пришлось напечатать только первые наброски этой оригинально задуманной работы в «Русской беседе» Кошелева, но и этих немногих страниц совершенно достаточно для того, чтобы судить о необычайной смелости его огромного критического таланта, о поэтической свежести и яркости его философского настроения, о могучей способности искать высшую религиозную правду в самых глубинах человеческой истории. Отдельные мысли в этой статье, носящей пространное заглавие «О необходимости и возможности новых начал для философии», критика Аристотеля, краткая, но меткая оценка Декарта, несколько горячих рас-

* Киреевский И. В. О характере просвещения Европы // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. II. С. 276.

суждений о Шеллинге — проникнуты духом смелого новаторства и звучат агитационным призывом к свободному научному труду вне порабощающей власти тех или других школьных авторитетов. Основная тенденция рисуется в каждом ее доводе, волнуя воображение, постоянно держа перед читателем увлекательный образ самого Киреевского, переливавшего в свои произведения все страсти своей души, боровшегося против сухой рассудочности всею полнотою своих нравственных и умственных сил.

И эти два небольших тома сочинений Киреевского, представляющие огромный интерес для понимания русского просвещения, Писарев оценил, как мы видели, с пренебрежением передового мыслителя, которому незачем разбираться в предрассудках и заблуждениях славянофильского писателя. Обвиняя «Современник» в легкомысленном отношении к деятелям славянофильского движения, Писарев сам не обнаруживает ни малейшего знакомства с их лучшими статьями, с их настоящими политическими и философскими стремлениями. Он рубит сплеча вопросы, требующие строгого изучения, самого широкого понимания, вопросы, в самой постановке которых выразилась, несомненно, прогрессивная потребность общества — осмыслить внутреннюю историю своего развития, уловить, постичь и разгадать черты народной психологии, незаметно направляющей его развитие по известному пути. В таком писателе, как Киреевский, помимо поразительно яркого литературного таланта, помимо огромной научной образованности, нельзя не видеть типических особенностей народного духа, и критический анализ его произведений, сделанный с необходимым беспристрастием, вернее всякой внешней пропаганды должен открыть дорогу к самому источнику национального самосознания. Эта необычайная искренность его полулирических, полуфилософских излияний, окруженных волнуемым туманом глубоких намеков, не всегда ясных для ума, но всегда тревожащих душу, этот патетический тон, придающий любимым идеям автора характер убежденной проповеди, — все это постоянно сближает читателя не с теми или другими мелкими вопросами данной минуты, а именно с мотивами внутренней, еще не вполне развернувшейся народной жизни. Никакая разумная, сознающая свою задачу критика не может пройти мимо Киреевского с равнодушием к тому, что волновало его в течение всей жизни, делало его энергичным бойцом за народные верования, вливало в его писания святую страсть миссионерского увлечения. В Киреевских выражается существенная особенность данной нацио-

нальной культуры, и кто хочет лишить их обаяния в глазах людей, должен бороться с ними в честном бою, лицом к лицу с их действительными философскими взглядами и религиозными верованиями, проникая до глубины их логических доказательств, не оставляя без самого широкого, систематического возражения их основные теоремы, их руководящие убеждения. Можно обойти молчанием какое-нибудь мелкое явление консервативного или условно-либерального характера, но нельзя, без ущерба для литературы, для своего знамени, отделяться холостыми выстрелами дешевого остроумия, привлекая на суд критики людей, подобных Киреевскому, Хомякову и К. Аксакову. Легко блеснуть эффектным изречением, когда терзаешь, как жалкую добычу, какого-нибудь ничтожного журнального крикуна, дерзнувшего вступить в рискованную полемику с любимцем толпы, но только настоящая острота мысли, умеющей прорезаться к средоточию чужой системы, может с успехом состязаться с выдающимся талантом. Но Писарев, так же как и автор статьи в «Современнике» под названием «Московское словенство»², своим банальным глумлением над лучшими представителями славянофильской партии, мог, по закону противоречия, только укрепить то настроение умов, с которым он боролся своими несовершенными орудиями. Обе статьи — «Русский Дон-Кихот» и «Московское словенство»* — лишний раз показывают, что в прогрессивном движении нашей недавней истории не было тех сил и знаний, которые одни могли обеспечить за ним настоящий успех и значение.

* Русская литература // Современник. 1862. Январь, С. 15—32.